

● СУББОТНИЕ ВСТРЕЧИ

Сергей БАЛАШОВ:

«Я ОБЪЕХАЛ МНОГО ФАБРИК И ЗАВОДОВ...»

Необычное впечатление оставляет эта скромная рабочая комната. Поначалу не поймешь, кто же ее хозяин — инженер или писатель, рабочий или кинотехник. В неожиданном соседстве заваленный рукописями стол и маленький верстак с набором слесарного инструмента. Вместительные стеллажи с сочинениями Маркса и Ленина, Циолковского и Павлова. Заунывно свисающая аппаратура, шахтерская лампочка и набор уральских минералов... И над всем этим карта Советского Союза во всю стену, густо испещренная красными точками. Точек этих сотни — они раскинулись от Арктики до Памира и от Сахалина до Карпат... Оказалось, это — маршруты, проделанные почти за полвека хозяином этой необычной комнаты-лаборатории, народным артистом Российской Федерации Сергеем Михайловичем Балашовым. Или, точнее, театром одного актера.

...Он подходит к рампе решительным шагом человека, которому надо сказать собравшимся о чем-то очень важном. Нет, даже не сказать, а показать это важное, хотя нет у него ни партнеров, ни декораций. Люди разных эпох, характеров, социальных и человеческих судеб предстают перед нами в этих своеобразных спектаклях. В репертуаре Сергея Балашова — Пушкин и Салтыков-Щедрин, Горький и Алексей Толстой, Михаил Шолохов и Николай Тихонов... Но одним из Сергея Михайловича произносит с какой-то особой теплотой — Владимира Маяковского.

— Почему? Для этого надо вернуться немножко назад... Для меня это, как день рождения, он не забывается — 17 марта 1930 года. Ленинград. На сцене филмала Большой драматического театра шла «Баня». Я играл тогда Победоносикова. Можете себе представить мое состояние: один из первых спектаклей, можно сказать премьера, и в зале — сам автор. Народу было полно, а мне казалось, что там только он один, Маяковский. Отлегло, знаете, когда? Когда Владимир Владимирович пришел после спектакля за кулисы и пожал мне руку...

— Сергей Михайлович, я один из многочисленных поклонников вашего «театра». И все-таки не могу не думать вот о чем. Как случилось, что вы, уже известный к тому времени актер... (Главные роли на такой прославленной сцене, как Большой драматический театр им. Горького в Ленинграде...) И вдруг все это оставить, чтобы посвятить себя искус-

ству художественного чтения?

— А мне это кажется естественным. Надо только вспомнить, какое это было время. Начало тридцатых годов. Лозунг «Пятилетку — в четыре года!» не сходил со страниц газет, им жила вся страна. Манили новые слова: Днепротэс, Магнитка, Кузбасс, Турксиб... Одним словом — романтика! Романтика — это чувство в высшей степени гражданское. Может быть, оно мне и подсказало, что вне всего того, чем бурлит, живет страна, нет истинного искусства.

В таком душевном состоянии и приступил я к работе над своей первой крупной литературной композицией «Турксиб». Она должна была рассказать о волнующем подвиге покорителей пустынь, замечательных энтузиастах первой пятилетки, проложивших железную дорогу в невиданно трудных условиях. С этой композицией я объехал много фабрик и заводов, рабочих поселков, деревень и лесозаготовок. Тогда-то и убедился, что сделал правильный шаг.

— Помню, какой успех имела ваша большая работа, посвященная строительству Челябинского тракторного завода. Она, кажется, так и называлась «ЧТЗ»? Представляю, сколько пришлось перевернуть материала.

— Именно «перевернуть». Я буквально изучал комплекты «Челябинского рабочего», многотиражной газеты «Наш трактор» и пачки «молний». Исходил весь завод вдоль и поперек, изучал характер каждого цеха, беседовал с сотнями ударников — строителей завода. Это не просто — постичь рост завода и рост человека. А именно это составило впоследствии суть моей композиции. Лейтмотивом композиции стала ленинская мечта о ста тысячах тракторов, которые должны были преобразить землю нашей Родины.

Сергей Михайлович бережно хранит маленькую красную «Книжку ударника» — самую дорогую память тех лет. Здесь, в его личном архиве и подлинный экземпляр «Постановления пленума заводского комитета ЧТЗ от 27 июня 1935 года». Вот его текст: «Об утверждении

ударником ЧТЗ мастера художественного слова тов. Балашова С. М. За лучшую композицию о строительстве Тракторного, которая вдохновила на исключительный производственный подъем рабочих — строителей и монтажников... По требованию рабочих и ИТР завода пленум заводкома постановляет: утвердить Сергея Михайловича Балашова лучшим ударником Челябинского тракторного завода. Председатель заводкома ЧТЗ Шалонкин».

— Сергей Михайлович, несколько слов о самом жанре. Ведь средства выразительности, обычно используемые в сценическом искусстве, ограничены здесь до предела? Что же тем не менее так привлекает вас как художника в идее «театра одного актера»?

— А где еще найдешь такое широкое поле для творческого самовыражения, ну и, если хотите, для личной инициативы? Это же необычайно заманчиво: сам составляю для себя литературные композиции и их музыкальное оформление, сам и режиссер-постановщик. Ищу художественные детали для каждого образа, сам себя корректирую в процессе бесчисленных репетиций. И в результате в «Гамлете», например, я должен раскрыть и сложнейший характер благородного правдолюбца — принца датского, и здесь же мгновенно обернуться хитрым и коварным Полонием. Без всяких переходов и времени на вживание в образ предстать самодовольным злодеем — королем Клавдием. При этом надо помнить, что мизансцены должны быть до максимума лаконичны, мимика и жест предельно скупы: слушайте слово, оно главное!

— Можно представить, какой силой было такое слово на фронте.

— Вы затронули, пожалуй, самое памятное в моей жизни. Говорят, более тысячи выступлений в частях действующей армии... Я сам не считал. Концерты проходили в соединениях Западного, 1-го Украинского, 1-го Белорусского и других фронтов. В 62-й армии генерала Чуйкова. Выступал на Северном флоте. Сценой бывала и подводная лодка, атакующая немецкий линкор «Тирпиц». Помню, стоял прямо у торпедных аппаратов и читал

Маяковского. Как внимательно по слушали моряки! Через несколько дней, когда подводная лодка была на очередном выходе, в Баренцевом море, я получил с ее борта радиogramму: «Бригадирю фронтовой бригады Сергею Балашову. Автограф Маяковского доставлен адресату водозаменением шесть тысяч тонн. Николай Лукин».

— Сергей Михайлович, хотелось, чтобы вы рассказали теперь о каком-либо особо запомнившемся вам выступлении в мирной аудитории.

— Это было 20 июня 1948 года. День, который мне никогда не забыть. Я выступал в Шушенском. У дома-музея, где жил и работал в годы сибирской ссылки Владимир Ильич Ленин, собрались колхозники и их семьи, студенты сельскохозяйственного техникума, школьники и интеллигенция района. Я читал им поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Трудно найти слова, чтобы передать атмосферу душевного контакта, который возник тогда между нами. Я не припомню за долгие десятилетия другого случая, когда бы с таким внутренним волнением читал ленинскую поэму Маяковского, как в тот незабываемый шушенский день.

Год от году ширится аудитория Балашова. С его искусством познакомились и зрители ряда социалистических стран. Примечательно, что после горячего приема, оказанного болгарскими слушателями спектаклю «Книгоноша», Сергей Михайлович стал почетным гражданином Народной Республики Болгарии.

...Я вновь сижу в рабочем кабинете Балашова и теперь, после нескольких встреч, ближе узнав его хозяина, уже не удивляюсь чрезвычайному разнообразию соседствующих в этой комнате предметов. Ни один из них здесь не случаен. Так, шахтерская лампочка — дар, врученный артисту после одного из концертов его земляками, уральскими горняками. Миниатюрный тали в застегнутом шкафу — точная модель той грозной машины «Т-34», что приобрел в военное время для Советской Армии на свои личные сбережения Сергей Михайлович. Знамя капитана И. Дмитриева, начертан на борту своего танка надпись «Сергей Балашов», прошел на нем боевой путь от Волги до Праги...

А. АМАСОВИЧ.